

что изменилось в преподавании географии в военных академиях, в подготовке войск к восприятию современной географической информации. Между тем это сказывается на недооценке географических факторов при принятии решений как стратегического, так и оперативно-тактического характера.

И сегодня для обеспечения военных действий нельзя ограничиваться целеуказаниями по картам, аэро- и космическими снимками или учетом характера дорог для движения техники.

Каждой эпохе нужно иметь свою географию, в том числе и военную, и она должна разрабатываться в содружестве военных и гражданских географов.

Редакция

УДК 910.1

© 1995 г. В. М. КОТЛЯКОВ, В. С. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ — ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ (1941—1944 годы)

Статья ставит своей целью приоткрыть завесу над той огромной работой по военно-географическому обеспечению Красной Армии, которая была проведена академическими географами в годы Великой Отечественной войны. В ней на основе документов освещаются хронология основных событий, многообразие запросов географии со стороны органов управления Красной Армии, типы решаемых географами задач, оценки проделанной работы и, наконец, некоторые сведения о людях, непосредственно выполнявших эту направленную на обеспечение нужд армии военно-географическую работу. Авторы надеются, что статья станет источником побуждения к углубленному, основанному на документах профессионально-географическому анализу этого слабо освещенного отрезка истории отечественной географии¹.

Вторая мировая война во всех странах предъявила высокие требования к географии и к географам [2]. Особенно многочисленны оценки этого периода в американской географии.

В нашей стране характер вклада географии в Победу отражен в основном в статьях и сборниках, созданных по воспоминаниям участников событий [3, 7]. Некоторое исключение представляет обзор сделанного советскими географами за 25 месяцев войны [4] и соответствующая глава в монографии Б. В. Левшина [5].

Отмеченные источники с наибольшей полнотой характеризуют работы по изысканию и мобилизации природных ресурсов на востоке страны, исследования населенных пунктов Поволжья, Урала, Западной Сибири и Средней Азии в интересах размещения эвакуируемых с запада страны и создаваемых новых предприятий. Слабее освещено военно-географическое обеспечение советских вооруженных сил. Секретный — по условиям военного времени — характер многих выполненных географическими коллективами заданий привел к существенным пробелам в понимании истории нашей науки.

Сегодня, когда большинство документов военных лет раскрыты для профессионального анализа, представляется возможность глубже и по-новому взглянуть на работу по военно-географическому обеспечению вооруженных сил

¹ Авторы благодарят за помощь ст. науч. сотр. ИГ РАН Т. Д. Александрову, директора Архива РАН Б. В. Левшина, заведующую архивом ИГ РАН Н. А. Кирпичникову.

нашей страны². Такой анализ пока мы смогли провести лишь на примере Института географии РАН.

Документы прежде всего позволили: 1) выявить многообразие географических запросов органов управлений Вооруженными Силами и соответственно обусловленное им тематическое разнообразие прилагаемых географии усилий; документы убедительно свидетельствуют о высокой способности географической науки осваивать в кратчайшие сроки абсолютно новые задачи и с успехом решать их; 2) понять, что военное время не было для географической науки однородным, в нем можно различить несколько этапов; 3) уяснить, что работы военных лет выполнялись всего лишь двумя — четырьмя десятками сотрудников; 4) увидеть самооценку, проявляющуюся в отчетах Института географии за 1941—1944 гг.

Хронология основных событий

1941 г. Конверсия географии. 1941 год разбил судьбы людей и страны на довоенное и военное время. Не случайно А. А. Григорьев начал отчет Института за 1941 г. такими словами: «Великая Отечественная война, разразившаяся перед самым наступлением второго полугодия, потребовала быстрой перестройки деятельности института на обслуживание и укрепление фронта. Институт в кратчайший срок осуществил эту перестройку и второе полугодие полностью посвятил работам, связанным с великой борьбой нашей родины против фашистских захватчиков. При этом общие установки деятельности ИГ не потребовали, однако, существенных изменений, так как новая оборонная тематика явилась лишь специальной интерпретацией основных установок института» (ААН, ф. 200, оп. 1/41-44, ед. хр. 2, л. 18).

1 января — 22 июня. Продолжались снегомерные наблюдения на подмосковном стационаре. В январе и феврале были проведены две этапные для отечественной науки конференции — геоморфологическая и по палеогеографии четвертичного периода.

«Работы по обобщению накопленных географических материалов по СССР в первом полугодии были в основном сосредоточены на окончании составления и подготовке к печати однотомной «Географии СССР» в 2-х частях (около 120 печ. л.) и составлении «Географии СССР» в 8-ми томах (обе под редакцией А. А. Григорьева и В. Ф. Васютина). Первую из них удалось закончить и сдать в издательство до войны» (там же). «В первом полугодии ИГ продолжает составление коллективной монографии «Рельеф СССР» (под ред. К. К. Маркова), начатой в прошлом году» (там же).

Выезжали в поле сотрудники Карагинской (руководитель С. Ю. Геллер), Талгарской геоморфологической (руководитель Г. А. Авсюк), эрозионной экспедиций.

22 июня — 15 октября. Материалы по «Географии СССР» нашли применение почти немедленно. «Благодаря им институт смог в кратчайший срок составить коллективный труд для Госплана СССР «Природные ресурсы отдельных экономических районов СССР и задачи их использования в условиях военного времени» (под руководством В. Ф. Васютина). Указанные материалы сильно помогли развернуть и другую большую работу, выполнявшуюся также для Госплана, — составление описаний тыловых населенных пунктов (Среднего и Нижнего Поволжья, Урала и Приуралья, Западной Сибири, Казахстана и республик Средней Азии) с точки зрения рациональности размещения в них промышленных предприятий как эвакуированных, так и новых, организуемых в целях устранения дальних железнодорожных перевозок, что приобрело особенную остроту в условиях военного времени (руководитель В. Ф. Васютин). Были составлены и переданы Госплану СССР описания свыше 80 населенных пунктов, после чего

² Вместе с тем следует отметить, что в рассматриваемых документах архивов Российской академии наук и Института географии РАН имеются существенные пробелы.

Госплан СССР обратился в институт через президиум АН СССР с предложением изучить на местах и дать характеристику других населенных пунктов указанных территорий» (там же).

«... во втором полугодии, на базе собранного в Институте геоморфологического материала, ИГ приступил к составлению военно-геоморфологических карт в 10-верстном масштабе для западной половины СССР в границах 1939 г. (под руководством акад. А. А. Григорьева и К. К. Маркова) по заданию Военно-инженерного управления Генштаба РККА» (там же).

Можно полагать, что в основном это были инициативные работы института. Вместе с тем в июле (судя по данным Е. А. Гаврилова, 22 июля — ААН, ф. 200, оп. 1/41 — 44 ед. хр. 2 л. 41) при Отделении геолого-географических наук АН СССР была создана по инициативе А. Е. Ферсмана и под руководством Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии (иногда называвшаяся Оборонной комиссией ОГГН). Комиссия объединила работы, проводимые институтами географии, мэрзлотоведения, комиссий по аэросъемке и инженерной геологии. В комиссии в 1943 г. работали 150 научных сотрудников, входящих в две экспедиции и восемь специализированных групп (5) (газета «Труд» 29 июля 1943 г.).

В первые месяцы практиковалось прикомандирование отдельных сотрудников ИГ АН в распоряжение комиссии (Е. А. Гаврилов, В. П. Зенкович, Д. Л. Арманд, А. В. Живаго и др.), а также передача комиссии заданий органов управления КА институту.

Почти одновременно в августе 1941 г. решением СНК СССР Академии наук СССР поручаются работы по изысканию земельных фондов, компенсирующих потери земли на западе страны. ИГАН направляет для этой работы в Алма-Ату группу сотрудников.

Судя по решению бюро ОГГН, подписанному акад.-секретарем П. И. Степановым, которое «на своем заседании 15 декабря 1941 г. заслушало сообщения председателя оборонных комиссий ОГГН акад. А. Е. Ферсмана о деятельности этих комиссий» (ААН, ф. 535, оп. 1/1939—44. ед. хр. 173, л. 1), в течение этого года действовали четыре комиссии (рабочие группы): аэросъемки и маскировки (ответственный руководитель А. В. Гавеман) — задания штаба ВВС, Московского ВО и др.; «пещерная», т. е. поиск подземных полостей (ученый секретарь Е. А. Гаврилов) — задания ГВИУКА, КЭУКА; по стратегическому сырью (ученый секретарь В. Н. Коган) — задания Генштаба КА; по военной географии (и. о. ученого секретаря А. В. Гавеман, в январе 1942 г. ответственный руководитель Б. Б. Полынов). Последняя «комиссия выполняла задания Генштаба КА по составлению географических характеристик вражеских территорий, промышленных центров, отдельных районов, временно занятых противником, а также представляла материалы по климату, снежному покрову и т. п.». «Все материалы принятые Генштабом к использованию и получили удовлетворительную оценку» (ААН, ф. 535, оп. 1/1939-44, ед. хр. 173, л. 1).

Судя по отчетам 1941 г., ИГАН принимал активное участие в комиссиях 1, 2, 4.

15 октября 1941 г. — эвакуация. Хотя решение об эвакуации АН СССР было принято еще 16 июля 1941 г., эвакуация ИГАН проходила в самые суровые для Москвы дни. Эвакуированными считались, судя по списку штатных сотрудников географии АН СССР, согласно решению правительственные органов из Москвы в г. Алма-Ата, составленному от 27.1.1942 г., 58 сотрудников и 2 аспиранта, а также более 70 иждивенцев (ААН, ф. 200, оп. 1/1941—44, ед. хр. 45 б, лл. 6-11).

С этого момента небольшая московская группа ИГ, которую точнее было бы назвать оперативной, вела непосредственную работу для Московского военного округа и для Московской зоны обороны, а также для комиссии ОГГН; в Алма-Ате же продолжались работы по описанию зарубежных стран.

В декабре 1941 г. Главное военно-инженерное управление (ГВИУ) обратилось к президиуму АН СССР с предложением начать работу по созданию карт проходимости на Восточную Европу. На рубеже 1941—1942 гг. учреждается группа

специального картографирования СОПСа, руководителем которой назначается И. П. Герасимов (зав. отделом географии и картографии почв Почвенного института АН).

1942 год. Поиск своего места в строю. 21 января поступает задание ГВИУ о создании карты проходимости масштаба 1 : 500 000. В течение первых месяцев 1942 г. И. П. Герасимов, собирая сотрудников институтов географии, Почвенного и Ботанического из Алма-Аты и Казани, организует в Москве группу и разрабатывает вместе с нею программу работ. Начинается интенсивная работа по созданию и изданию «Карты элементов проходимости».

28 февраля 1942 г. А. Е. Ферсман подписывает проект решения президиума АН СССР о формировании «Оборонной группы Института географии», общей численностью 10 сотрудников (постоянных), а также 4 научных сотрудников, специально командируемых из Алма-Аты. Руководителем московской группы оборонных работ института назначается В. Ф. Васютин (АН, ф. 535, оп. 1/1939—44, ед. хр. 173, л. 13).

16 июня 1942 г. в письме в президиум АН СССР о составе руководящих работников Комиссии по ГГО КА предусматривается работа ее по пяти разделам: 1) стратегическое сырье — задание РУГШ КА (руководитель А. Е. Ферсман); 2) хозяйственно-транспортное и военно-географическое описание зарубежных стран — задание РУГШ КА, ГВИУ КА (руководитель В. Ф. Васютин, в качестве исполнителей названы 14 сотрудников ИГАН); 3) составление карт проходимости и описание — задание ГВИУ КА, Штаба инженерных войск (руководитель И. П. Герасимов, Почвенный институт; в качестве исполнителей названы 8 сотрудников ИГАН, а также несколько сотрудников Почвенного и Ботанического институтов АН); 4) аэросъемка — задание штаба BBC, ГУПВО (руководитель А. В. Гавеман; все исполнители — 4 человека из ИГ АН); 5) климат — задание Главного управления Гидрометслужбы КА (руководитель Е. Е. Федоров и А. И. Баранов; названы 5 исполнителей — все из ИГ АН) АН, ф. 535, оп. 1/1939—44, ед. хр. 173, л. 15—16). Этот замысел не был полностью реализован. Из отчета ИГ АН ясно, что почти полностью были укомплектованы лишь группы спецкартирования (7 чел.), аэросъемки (3 чел.) и климатическая группа (4 чел.). Из группы описаний зарубежных стран в Москве работало лишь 7 человек (в том числе 3 вызванных из Алма-Аты и 4 «договорника»), в Алма-Ате не менее 5 человек. В Москве же сформировалась небольшая группа по экономической географии Поволжья (3 чел.). Всего в Москве в конце 1942 г. работало 25 сотрудников ИГ АН плюс 7 «договорников».

В целом в 1942 г. Институт географии активно реагирует на запросы военных органов: издаются литографическим способом несколько десятков листов карт элементов проходимости, заканчивается 4-томник по Кавказу, 3-томник по Волго-Донской прифронтовой территории. Сдается в печать характеристика одного из направлений (юго-западного) для BBC (объемом 10 п. л., ф. 200 оп. 1/41-44, ед. хр. 7, л. 23).

1943 г. Привычная военная служба... «План института по разделу «Специальные оборонные работы» выполнен полностью. В том числе основными выполнены институтом работами по этому разделу являются:

1) 4 военно-географических описания территорий фронтов (объем 36 печ. листов). Работа использована непосредственно фронтом. Руководители: д. г. н. К. К. Марков и проф. В. Ф. Васютин и исполнители: А. Ф. Гужевая, А. И. Баранов, Г. Д. Рихтер, В. Е. Иогансон, В. П. Зенкович, А. С. Добров, В. Г. Куман, Л. И. Цукерман, К. К. Марков, С. Н. Матвеев, А. В. Живаго, В. Н. Олюнин, Н. В. Думитрашко, А. И. Соловьев, А. В. Смит, А. И. Гамберг, работники картокабинета и др.;

2) 11 военно-географических описаний зарубежных стран (объем 140 авторских листов). Дают материал по военной географии соседних с нами стран и используются соответствующими организациями. Работа велась под руководством акад. А. А. Григорьева, проф. В. Ф. Васютина коллективом сотрудников институ-

та в составе А. Г. Доскач, А. В. Смита, Л. Г. Каманина, Д. Л. Арманда, З. А. Зенковой, А. С. Доброда, А. И. Гамберг, С. Н. Матвеева, Л. Л. Никитина, М. Г. Рейсер, П. С. Макеева, Э. М. Мурзаева, Г. С. Бальцер, Л. И. Цукерман;

3) 4 военно-географические карты по обширным районам (всего около 60 листов м. 1 : 500 000 и 14 в. м. 1 : 1 500 000). Карты использованы для нужд фронта. Работа представлена на Сталинскую премию» (Отчет ИГ за 1943 г. ААН, ф. 200, оп. 1/41-44, ед. хр. 66, л. 3).

По дополнительным материалам чувствуется уверенность в своих силах — Институт географии берется за выполнение работ по новым видам спецкарт (дорожно-географическая, карты Дальнего Востока). Многие описания завершаются. Но этот год приметен и изменениями ситуации. С марта по ноябрь проходит реэвакуация института. Военно-политическая обстановка рождает новые идеи. Так, 26 апреля 1943 г. на имя трех заместителей председателя СНК СССР направляется «Докладная записка по вопросу «О подготовке географических материалов и карт, необходимых при решении вопросов о послевоенном устройстве мира». Записка подписана президентом Академии В. Л. Комаровым, директором Института географии АН СССР А. А. Григорьевым, зам. директора и руководителем отдела экономической географии В. Ф. Васютинским (ААН, ф. 200, оп. 1/1941—44, ед. хр. 12, лл. 4—7).

Освобождение ряда районов от оккупации требует географического анализа их состояния и перспектив развития. В первую очередь организуется работа по Донбассу. Специальная группа была командирована и для анализа возможностей развития энергетики в Коми-Пермяцкий национальный округ.

К 1943 г. накапливают опыт военно-географического обеспечения (создание специальных карт и справок) так называемые Военно-геологические отряды, треста «Спецгеология» Комитета по делам геологии при СНК СССР, переданные в оперативное подчинение штабам инженерных войск фронтов. Подобный же опыт накопили топографические службы фронтов и армий. Осенью НИИ полигон ВТС преобразуется в НИИ военно-топографической службы, в котором создается Отдел военно-географических описаний, взявший на себя обязанность снабжения командования комплексной военно-географической информацией.

31 декабря 1943 г. прекращает свою работу Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии.

1944 года. Начало перехода на мирные рельсы. Обратим внимание на изменение тона преамбулы отчета ИГ за 1944 г.: «Имея основной задачей всемерное развитие советской географии и разработку в этих целях важнейших теоретических и практических вопросов географической науки, Институт географии АН СССР в 1944 г., явившемся переломным военным годом, быстро приблизившим нас к окончательному разгрому врага, ставил перед собой следующие конкретные задачи: 1) географическую помощь Красной Армии в ее героической борьбе; 2) географическую помощь районам, пострадавшим от немецкой оккупации в деле восстановления их хозяйства; 3) географическое изучение природных и экономических условий тыловых районов СССР в целях содействия мобилизации их ресурсов для развития народного хозяйства; 4) углубленную разработку некоторых основных теоретических проблем как базы для широкого развертывания теоретических исследований в ближайшие годы» (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 71, л. 44).

«По географическому обслуживанию Красной Армии (руководители: акад. А. А. Григорьев, проф. В. Ф. Васютин и проф. И. П. Герасимов) Институт по заданию Военно-инженерного комитета КА: 1) составил и сдал 20 листов дорожно-географических карт территорий военных действий и описаний к ним, получивших положительную оценку (руководитель проф. И. П. Герасимов), 2) составил ряд карт распределения снегового покрова по западной части СССР (руководитель проф. Г. Д. Рихтер), 3) совместно с ИП и БИН выполнил большую работу — «Природные факторы проходимости (И. П. Герасимов, А. С. Кесь и др.)».

По заданию органов Красной Армии были составлены и опубликованы краткие географические очерки восточных провинций Германий: Силезия и Восточная Пруссия (А. С. Добров), Померания (Л. И. Цукерман), составлена и опубликована Военгизом книжка «Румыния» (Д. Л. Арманд и др.).

Кроме того, по проблеме «Географическое изучение зарубежных стран» завершены очерки, начатые в 1943 г.: «Низовья Дуная и прилегающие территории» (Н. Ф. Яницкий), «Аландские острова и Печенга — Петсамо» (А. Г. Куман), обзор гидрологии рек и озер Финляндии (В. Е. Иогансон), обзор Болгарии (А. И. Двордкин), велась работа над темой «Дунайская проблема».

По географии союзных, нейтральных или не воюющих с СССР стран сделано следующее: подготовлено к печати и сдано в издательство переработанное подробное описание Курильских островов (А. И. Соловьев), закончены составление и детальные обзоры природных условий островов Хоккайдо (Д. Л. Арманд) и Сикоку (А. В. Живаго).

Закончено составление подробного описания природы Афганистана (П. С. Макеев). Велась работа по географии Британской империи и некоторым другим странам» (АН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 71, лл. 44—45).

Вот и все, что содержит отчет по интересующей нас тематике. С созданием в 1943 г. Отдела военно-географических описаний НИИ ВТС, с очищением территории нашей страны от оккупантов явно сузилось академическое поле чисто военного обслуживания Красной Армии. Обратим внимание на то, что при изучении зарубежных стран отчетливо проглядывает уже не военно-географический, а проблемно-геополитический подход: Аландские острова, Печенга — Петсамо, Дунайская проблема.

Большой раздел отчета посвящен теоретическим работам А. А. Григорьева. В отчетах сотрудников уже все больше фигурируют общие проблемы исследования европейской части СССР. Ведется поиск места для стационара в Тянь-Шане.

Отчет 1944 г. характеризует типичную ситуацию выхода науки из кризиса, в данном случае кризиса, вызванного войной.

Тематическое разнообразие. Темпы выполнения и оценки работ

В военные годы Институт географии непосредственно либо через президиум АН СССР, Комиссию по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии ОГГН АН СССР, СОПС АН СССР получал задания и запросы высших органов командования — главных управлений и управлений РККА и ее Генштаба и НКВМФ и их отделов: военно-инженерного, разведывательного, противовоздушной обороны, военно-топографического и гидрометеорологического, оборонительного строительства, оперативного тыла, квартирно-эксплуатационного и др.

Нередко выполнялись работы в интересах (и по запросам) отдельных фронтов: Калининского, Брянского, Закавказского, военных округов: Московского и Среднеазиатского, органов управления отдельных соединений (например, Управления 58-го района авиационного базирования Управления аэродромного строительства ВВС, гидрографического управления Черноморского флота НВМФ) (АН, ф. 200, оп. 1/41-44, ед. хр. 6 и 11). Общее направление обусловленных этими запросами географических работ характеризует табл. 1.

Военно-географическим картам и описаниям в этом и следующем номерах нашего журнала посвящаются отдельные статьи: В. С. Преображенский и Т. Д. Александрова «Комплексные военно-географические карты 1941—1944 гг.», Л. С. Абрамов «Академические описания территорий фронтов». Здесь лишь кратко отметим разнообразие исследований, названных в третьей — пятой строках табл. 1.

Военно-климатические описания и справки включали частично до эвакуации в 1941 г., в 1942 г. «Оборонно-климатические (посезонные) очерки районов западной территории СССР» — работа сдавалась ГУГМС (по сезонам); климатические

Работы Института географии АН СССР, выполненные в 1941—1943 гг.

	Число		
	названий	листов печатных	карт
1. Специальные военно-географические и физико-географические карты			
— типы карт	11	—	383
— тексты к картам	—	70	—
методики	1	10	—
2. Военно-географические описания:			
а) справочники для ВВС КА	8	65	—
б) описание отдельных **			
территорий СССР и фронтов	10	120	—
в) описания зарубежных стран	19	187	—
г) материалы для военно-географических справочников	8	54	—
3. Военно-климатические описания	4	11	—
4. Военно-географические работы по снегу	10	14	—
5. Методико-географическое дешифрирование аэрофотоснимков	7	18	—

* Составлена по справке зав. редбюро С. М. Коган, датированной 31.12.1943 «Список работ, выполненных Институтом географии АН СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1943)» (Архив ИГРАН, инв. 4249).

** В том числе «Большой Кавказ», 4 тома, 43 печ. л.; «Военно-географические описания Волго-Донской прифронтовой территории», 3 тома, 42 печ. л.

характеристики районов Горького, Казани, Куйбышева, Саратова, Сталинграда, Баку (по сезонам для Главного управления ПВО), эти работы были выполнены А. И. Барановым, Рейхштадтом, М. А. Сорокиной, Л. А. Чубуковым под руководством Е. Е. Федорова. Сюда же относятся созданные в первом полугодии 1942 г. справки по снежному покрову Калининской, Смоленской, Тульской, Орловской и Курской областей; выполненные В. И. Долгошовым для ГУПВО «Календарь смены сезонных явлений» (ААН, ф. 536, оп. 1/42 ед. хр. 18, л. 5) по районам Горького, Казани, Воронежа, Тамбова и для всех четырех сезонов по району Москвы и Подмосковья (см. также статью «Москва — октябрь—декабрь 1941»). Фенологические работы (такие, как «Материалы по фенологии европейской части СССР» В. И. Долгошова, Н. А. Зубарева и С. М. Преображенского; «Альбом ландшафтных карт сезонных изменений цветности фона главнейших растительных покровов европейской части СССР» и краткая пояснительная записка к альбому В. И. Долгошова) широко использовались Управлением маскировки ГУПВО.

Упомянем, что А. И. Баранов был автором климатических разделов во всех описаниях районов страны и фронтов. Климатологами Московской группы ИГАН (и почвоведами) выполнялись на основе климатологических прогнозов ГУГМС КА подекадные прогнозы проходимости на прифронтовую полосу (например ААН, ф. 200, оп. 1/41—44 ед. хр. 6, запрос 1 отд. УОС от 27.10.42).

Военно-географические работы по снегу выполнялись Г. Д. Рихтером (Архив ИГРАН, № 4249); например, «Альбом карт по снежному покрову европейской части СССР», содержащий не менее 24 карт, с текстом к нему, выполненный еще в 1941 г. до эвакуации; «Условия проходимости местности зимой при снежном покрове», «География снегового покрова» опубликованы в книге «Строительство

и эксплуатация зимних аэродромов» (1943) и сыграли большую роль в обеспечении потребностей Управления аэродромного строительства ВВС [5].

Существенный блок работ представлен созданием методических рекомендаций и пособий по географическому дешифрированию аэроснимков. Так, по данным С. М. Коган [4], были составлены методические рекомендации: а) «Географический ландшафт и аэрофоторазведка» (3 печ. л., 1942, составители В. С. Волынская и А. В. Живаго); «Введение. Визуально-фотографический способ разведки. Аэрофотосъемка. Дешифрирование. Зависимость маскировочных мероприятий от ландшафта. Дешифровочные характеристики маскировочных географических ландшафтов»; б) «Дешифрирование рельефа на летних и зимних аэроснимках» (3 печ. л., 1942, составители В. С. Волынская и А. В. Живаго); «Общая часть. Теоретические основы географического дешифрирования. Характеристика основных элементов рельефа и их дешифровочные признаки».

Была составлена также серия альбомов «Ландшафты территории фронта»: «Зона тайги» (3 печ. л., 1942, составитель В. С. Волынская), «Зона смешанных лесов» (3 печ. л., 1942, составители В. С. Волынская и А. В. Живаго), «Зона лесостепи и степи» (4 печ. л., 1942, составитель Е. Н. Лисичек).

Как писала С. М. Коган [4], «альбомы ландшафтов территории фронта, выполненные по заданию отдела маскировки ГУПВО, имеют целью помочь маскировщикам разобраться в географическом ландшафте и правильно распознать на аэроснимках разные элементы. В основу работы положено деление европейской части СССР на ландшафтные (физико-географические) зоны. В альбомах даны краткие описания ландшафтов, аэроснимки и наземные фотографии; аэроснимки снабжены дешифровочными характеристиками».

А. В. Живаго по просьбе Главного гидрографического управления НКВМФ был откомандирован на два месяца в распоряжение Гидрографического управления Черноморского флота (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 45б, л. 4), где выполнил «описание западных берегов Черного моря от мыса Калиакра до бухты Жебрияны; мыс Калиакра — Мангалия; Мангалия — Констанца, Констанца — Жебрияны (оценка побережий с точки зрения удобства высадки десантов). Описание западных берегов Черного моря от мыса Кару-Бурну до мыса Калиакра. (Очерки составлены на основании дешифрирования аэроснимков береговой полосы Румынии и Болгарии)» [4].

Не только направленность, но и темпы и очередность выполнения заданий определялись заказчиком. Так, в период с 28.2.42, но не позднее 29.6.42 (т. е. за 4 месяца) было составлено (полностью или частично литографированных) «48 листов карты элементов проходимости по Средней и Восточной Европе» (семейный архив И. П. Герасимова).

Главное управление ВВС КА в письме от 29.11.42 о составлении карт взлетно-посадочных условий (в масштабе 1 : 1 000 000), информируя о получении двух листов, требовало «ускорить составление и передачу дальнейших листов, намеченных в соглашении и, в частности, обеспечить до 1.1.1943 г. окончание листов N-36 (Смоленск), N-35 (Минск), M-36 (Киев), L-36 (Симферополь)...» «обеспечить составление и передачу нам в течение I квартала 1943 г. по крайней мере пяти листов» (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 6).

Инженерным комитетом КА в письме от 17 ноября 1943 г. фиксировались жесткие сроки представления дорожно-географических карт, исходя из нормы в 6—7 листов месяц (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. II, л. 86). Но бывали сроки и пожестче. В ААН (ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 6, л. 6) имеется небольшой листок, на котором от руки написано: «Распоряжение. Составить Моск. группе Института географии совместно с группой маскировки ОГГН в двухдневный срок обзор геолого-географических условий Прикаспийской низменности. 25.VII.42. Академик А. Е. Ферсман». Задание это было выполнено.

В значительной мере качество специального содержания определялось складывающейся системой прямых и обратных связей между «заказчиками» и

«исполнителями». Прежде всего эта система проявлялась: а) согласованием программы работ с заказчиком [4]; б) представлением «исполнителями» 1—2 экземпляров экспериментальных макетов специальных карт и их рецензированием представителями заказчика (например, ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. II, л. 91—93); в) получением дополнительных предложений (например, об указании на картах элементов проходимости — толщины стволов деревьев; на картах взлетно-посадочных условий — месторождений строительных материалов, в том числе песка и гравия (семейный архив И. П. Герасимова)). Можно полагать, что большую роль в уточнении требований заказчиков сыграл контакт работников группы спецкарты СОПСа с сотрудниками треста «Спецгеология».

Одна из устойчивых, по крайней мере с сентября 1942 г. по сентябрь 1943 г., линий оценки качества работ проходила через «Научно-исследовательский и испытательный полигон Военно-топографической службы КА», как бы выполнявшей функции «военпреда». Так, в письме от 7 июля 1943 г. написано: «Подготовленные Ваши институтом справочные, описательные и картографические материалы на районы Западного, Калининского и Северо-Западного фронтов полностью использованы при составлении военно-географических справочников и получили хорошую оценку в частях и штабах Действующей армии». В том же письме отмечалось: «В настоящее время возникла необходимость в подобных же материалах на район в пределах 51°—53°30' сев. широты и 31°—39° вост. долготы» (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 6, л. 46). А в письме от 7 сентября 1943 г.: «Подтверждая получение от Вас материалов к составлению военно-географического описания юго-западного направления, считаю необходимым отметить их ценность. Прошу передать мою благодарность тов. А. И. БАРАНОВУ, А. Ф. ГУЖЕВОЙ, Б. М. ЛАВРЕНКО и Н. Ф. ПРИШЛЕЦОВУ. Материалы направлены для использования в действующую армию» (там же, л. 85).

Географам постоянно приходилось заниматься военным самообразованием. Высшим проявлением его явилась разработка К. К. Марковым [6] курса «Военной географии», читавшегося в МГУ. Для уточнения требований руководитель группы спецкартирования И. П. Герасимов запросил (и получил) справку от Бронетанкового управления КА о тактико-технических качествах немецких и советских танков, характеризующих их проходимость (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 6).

Географы-руководители понимали важность живых контактов с «пользователями» продукции. В ноябре 1942 г. предпринимались попытки выезда И. П. Герасимова, А. С. Кесь в штабы Западного и Калининского фронтов для получения оценки создаваемого материала фронтовыми инженерными службами (ААН, ф. 535, оп. 1/1939—44, ед. хр. 173, л. 71), однако поездка эта, видимо, не состоялась. В 1944 г. К. К. Маркову удалось побывать на Карельском фронте и познакомиться с работой военно-геологического отряда, руководимого В. А. Буханевичем.

Исполнители — профессиональные и человеческие качества

В отчетах, в воспоминаниях нередко преобладает безличная форма: «Институт создал...», «В институте выполнено...». Между тем анализ документов показал, что подобные формулировки невольно затушевывают усилия небольшой группы самоотверженных тружеников. Попробуем разобраться в реальной картине с помощью простейшей статистики.

На 1 января 1941 г. в институте работало 109 человек. До 15 октября 1941 г. трое ушли добровольцами в ополчение и истребительные батальоны, 12 человек призваны на военную службу. Итого к моменту эвакуации из Москвы в институте оставалось 94 человека. Самому старшему из научных сотрудников было 67 лет, самой младшей — 23 года.

Уже упоминавшийся «Список эвакуированных» по состоянию на 27 января 1942 г. (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 456, л. 6—12) включает фамилии 84

Таблица 2

Места работы высококвалифицированных сотрудников ИГ АН СССР (по данным ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 456, лл. 11, 12, 93, 186)

Ученые звания и степени	1 января 1942			1 июня 1942			1 января 1943		
	Москва	Алма-Ата	другие регионы	Москва	Алма-Ата	другие регионы	Москва	Алма-Ата	другие регионы
Академик	—	1	—	—	1	—	—	1	—
Доктор наук	—	4	—	1	3	—	1	3	—
Профессор, кандидат наук	—	3	1	2	1	1	3	1	—
Кандидат наук	1	13	7	4	10	6	8	14	5
Всего	1	21	8	7	15	7	12	19	5

сотрудников (58 человек, числившихся в Алма-Ате, 7 аспирантов и докторантов и 19 находившихся в Москве). Из 58 числившихся в Алма-Ате 17 находилось в командировках, нередко и очень далеких от этого города. Так, Д. Л. Арманд и Е. А. Гаврилов вели работы, базируясь на Свердловск, Г. Д. Рихтер был прикомандирован 20.1.1941 г. к северной базе АН СССР в Сыктывкаре, Д. М. Колесов трудился в Верхоянске, Г. В. Обидиентова работала в системе Управления обороностроительных работ в районе г. Плес; А. Ф. Гужевая — в Казани, А. В. Живаго фактически находился в Москве. 7 аспирантов и докторантов были частично эвакуированы, частично находились в Москве.

Из 19 человек, включая младший обслуживающий персонал, числившихся в начале 1942 г. в Москве непосредственно обслуживанием Красной Армии в декабре 1941 г. было занято 13—14 научных и научно-технических сотрудников. К 16.6.1942 г. число находящихся в Москве сотрудников выросло до 33 человек (ААН, ф. 535, оп. 1/1939—44, ед. хр. 173, л. 15—16). Непосредственно на военно-географическое обслуживание Красной Армии в это время работали 22 сотрудника и аспиранта ИГ АН. В работах по обслуживанию Красной Армии принимали участие и находившиеся в Алма-Ате специалисты, занятые описанием сопредельных стран. Если к этому добавить Д. Л. Арманд и В. П. Зенковича, которые числились прикомандированными к Комиссии по ГГО КА, общее число штатных сотрудников и аспирантов, принимавших непосредственное участие в военно-географических исследованиях, составляло в середине 1942 г. 30 человек, а вместе с договорниками 35—37 человек. Напомним, что к этому времени штат института был определен государственными органами в 86 человек. Картина мало изменилась к 1.1.1943 г.

С марта по ноябрь 1943 г. происходила реэвакуация ИГ, но она мало изменила соотношение научных кадров, работавших для фронта и для укрепления тыла. В табл. 2 видна структура высококвалифицированных специалистов, принимавших непосредственное участие в военно-географических работах. Изменение в общей численности кандидатов наук объясняется тем, что в годы войны продолжалась защита диссертаций (А. В. Живаго, А. Смит, в 1943 г. в возрасте 69 лет кандидатскую диссертацию представил А. В. Стрельбицкий).

Любопытно, что деятельность сотрудников группы спецкартирования СОПС не ограничивалась лишь собственно картографированием. Легенды к листам карты нередко вырастали в объяснительные записки. Анализируя справку С. М. Коган [4], мы видим, что практически весь состав группы, так же как климатолог А. И. Баранов и нередко экономикогеограф Н. Ф. Пришлецов, принимал участие в создании массы военно-географических описаний под руководством К. К. Маркова в тех случаях, когда они касались территории СССР и сопредельных стран.

Описания собственно зарубежных территорий составлялись либо одним-двумя авторами, либо небольшими коллективами. Серьезные трудности представляло слабое знание иностранных языков.

Группа спецкартирования состояла преимущественно из 31—37-летних, в большинстве своем окончивших географические факультеты МГУ или ЛГУ, отлично знавших друг друга людей по предвоенным полевым работам. Описание же зарубежных стран легло на плечи 40—57-летних, получивших образование в институтах народного хозяйства, политехническом и приобретших географическую специализацию через самообразование.

Работали увлеченно. Конечно, хотелось бы помянуть всех поименно. Все были главными действующими лицами. Но объем статьи исключает такую возможность. Поэтому, может быть, с большой долей субъективности попробуем в справочном порядке упомянуть имена сотрудников разных служебных категорий. Имя А. А. Григорьева, руководившего всем институтом, вынесшего на своих плечах эвакуацию и реэвакуацию, заботу о жилье и питании выехавших в Алма-Ату 73 членов семей 46 сотрудников, двух аспирантов и трех прикомандированных к институту, так же как и имя И. П. Герасимова, числящегося до 1943 г. сотрудником Почвенного института, но руководившего вместе с К. К. Марковым работами по созданию карт, в пространных комментариях не нуждаются.

Но есть имена, известные нашим современникам понаслышке или совсем неизвестные и не вошедшие в справочники.

К сожалению, осталось забытым имя Николая Федоровича Пришлецова, немолодого экономикогеографа (рождения 1884 г., юриста по образованию), исполнявшего с 15.10.1941 по середину февраля 1942 г. обязанности «Уполномоченного по делам Института географии», организовавшего связи с военным руководством обороны Москвы, работу и быт небольшой московской группы, впоследствии добросовестно участвовавшего во всех работах по мобилизации ресурсов Поволжья, по военно-географическим описаниям.

Василий Филиппович Васютин остался в памяти скорее как госплановский красный профессор, задиристый полемист. А ведь ему, 42-летнему, пришлось с февраля 1942 г. до момента возвращения в Москву А. А. Григорьева выполнять обязанности руководителя Московской группы оборонных работ ИГ АН и заместителя директора. В период наивысшего разворота военно-географических работ он налаживал «службу» в институте, финансовые отношения с органами управления КА (переведя их в форму договорных). Его опыт госплановца и политическая ориентированность способствовали организации работ по описанию зарубежных стран, при создании которых весьма важна была роль анализа военно-хозяйственного материала. Пожалуй, без его молодого задора и напористости многие дела московской группы института были бы менее успешными.

Старейшим по возрасту и жизненному опыту профессионалом в московской группе был заведующий карткабинетом Александр Владимирович Стрельбицкий (1874 г. рождения, образование — Академия Генерального штаба, участник первой мировой и гражданской войн). Работа его самого и его подчиненных выделялась подчеркнуто профессиональной четкостью.

Наибольший объем картоставительных работ выполняла Александра Семеновна Кесь (родилась в 1910 г., степень кандидата географических наук присвоена в 1935 г. без защиты диссертации). Вернувшись в августе 1941 г. из эрозионной экспедиции, она уже к 31 августа заканчивает лист военно-геоморфологической карты, а возвратившись из Алма-Аты 18.2.1942 г., уже к 28 того же месяца заканчивает первый лист карты элементов проходимости. Нередко ей приходилось выполнять функции бригадира — осуществлять приемку листов. Активно участвовала она и в составлении военно-географических описаний.

Надо было очень любить свое дело и свою страну, чтобы, как скромный и немногословный младший научный сотрудник Владимир Иванович Долгошов (1901 г. рождения, образование среднее), обрабатывать огромный и разнообразный

материал фенологических наблюдений. Так, только с 15.10 по 30.11.1941 им «составлены и переданы Управлению обороны зоны Москвы календарь зимних сезонных явлений природы под Москвой» (охватывающий 66 явлений за период от 10 до 50 лет каждое), «составлен ряд таблиц повторяемости различной мощности снегового покрова (в процентах по декадам для 20 пунктов). Часть таблиц передана в Управление обороны зоны Москвы» (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 2, л. 37). В 1942 г. им переданы ГУПВО существенные для маскировки данные о внутрисезонных изменениях цветности растительного покрова.

Не менее важен был труд младшего научного сотрудника Е. Н. Лисичек (рождения 1918 г., окончила пединститут), которой по молодости приходилось переключаться от задания к заданию. Так, ее отчет от 1.7.1942 фиксирует за 6 месяцев участие в выполнении 5 плановых и 4 внеплановых заданий.

А машинистки? С конца 1941 и в 1942 г. вся продукция и служебная переписка шла через руки Ольги Алексеевны Николаевой. Норм, видимо, не было.

Война была не только Отечественной, но и антигитлеровской. Может быть, в историю науки и не войдут имена политэмигрантов — антифашистов Артура Вильямовича Смита (австрийца, родившегося в 1898 г., со средним образованием) и Гертруды Бальцер (австрийки: рождения 1898 г., окончившей Берлинский университет в 1923 г.), оказавшим благодаря знанию иностранных языков активную помощь при описании зарубежных стран. Любопытно, что Г. Бальцер писала свои тексты на немецком языке (ААН, ф. 200, оп. 1/41—44, ед. хр. 456, л. 138).

Заключение

В отличие от Германии, начавшей создание штатных военно-географических подразделений в генеральных штабах сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил с 1936 г., наша страна к началу войны не имела штатной военно-географической службы, если не считать гидрографическую службу военно-морского флота и треста «Спецгеология», обслуживающего интересы строительства приграничных оборонительных рубежей. С военной географией командирский корпус сталкивался лишь в военных академиях, где она выступала как предмет преподавания, опиравшийся на блестящие, но устаревшие для современной войны — войны моторов — труды теоретиков военной географии XIX в. и великолепные военно-страноведческие работы офицеров Генерального штаба Российской армии.

В отличие от США мобилизационными планами нашей страны не был предусмотрен призыв географов для несения профессиональной службы [2]. Исключение составили лишь Гидрометеорологическая служба, включенная с первых же дней войны в состав Вооруженных Сил, и призыв многих топографов для службы в ВТС. Поэтому основная тяжесть военного общегеографического обслуживания легла на плечи гражданских организаций, и прежде всего академических. С первых же дней войны был избран в качестве примера опыт работы Академии наук в первую мировую войну — создание научно-технических комиссий.

Однако модернизация техники ведения войны, появление мотомеханизированных и танковых соединений, авиации обусловили резкое возрастание подвижности войск и «сокращение расстояния — пространства». Но в то же время зависимость их от условий местности и ее сезонного состояния, придававших пространству «качество», привели к тому, что традиционные источники военной информации (военно-географические описания и топографические карты) стали недостаточными для решения оперативных, а порой и тактических задач. Поэтому прежде всего внимание обратилось к насыщенным специальной военной информацией картам.

Потребности армии в данном случае совпали с возможностями отечественной географии, прочно освоившей к началу войны среднемасштабное тематическое картографирование и сохранившей в качестве опоры комплексный подход. Помо-

гали и не потерянные в то время традиции географизированного естествознания — наличие общетеоретической базы у географии почв, геоботаники, геоморфологии, поддерживаемые комплексными экспедициями СОПСа. Вот почему первое четкое и серьезное поручение Главного военно-инженерного управления КА — создать карту проходимости «от меридиана Москвы до меридиана Берлина» — вызвало к жизни создание Группы спецкартирования СОПСа, ведущее ядро которой составляли географы, а материальной базой стал Институт географии.

За 1942 и 1943 гг. (в конце которого, как мы уже упоминали, был создан Отдел военно-географических описаний НИИ ВТС), бывшие годами наиболее активной работы по военно-географическому обеспечению КА, географы убедительно показали свою способность быстро осваивать новые функциональные задачи: карты элементов проходимости, карты взлетно-посадочных условий, оценку маскировочных свойств местности и т. д.

Подчеркнем еще раз, что в 1941—1943 гг. военно-географическое обеспечение руководящих органов Вооруженных Сил велось весьма незначительными (несколько десятков человек) по численности силами. Для сравнения укажем, что в Вашингтоне к 1943 г. в отделе научных исследований и анализа Управления стратегических сил работали 75 профессиональных географов, 46 географов — в военном министерстве, 23 — в разведывательном отделе, 23 — в военно-карточеской службе [2].

Коллектив «гражданских» географов в СССР отличали во время Отечественной войны высокий профессионализм и чувство локтя, что позволило быстро сформировать умение решать военно-географические задачи. Этот коллектив отличал и высокий патриотизм, проявившийся в их делах. Научный стиль анализа любого явления приучил нас бояться высоких слов. Но то, что сделано нашими учителями и соратниками в Отечественную войну, было подвигом. Подвигом профессиональным и человеческим. И, к сожалению, пока в должной мере не оцененным...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А. А. Советская география и война // Изв. ВГО, 1944. Т. 76. Вып. 1. С. 10—20.
2. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
3. Доскач А. Г., Кесь А. С., Назаревский О. Р., Помус М. И. География в учреждениях Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1975. № 3. С. 5.
4. Коган С. М. Список работ Института географии АН СССР, выполненных за время Отечественной войны (1941—1943 гг.). — Рукопись. Архив ИГ РАН. Инв. № 4249. 84 с.
5. Левшин Б. В. Советская наука годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 382 с.
6. Марков К. К. Воспоминания и размышления географа. М.: Изд-во МГУ, 1973. 118 с.
7. Советские географы — фронту и тылу (1941—1945 гг.). Отв. ред. Абрамов Л. С. // Вопр. географии. Сб. 128. М.: Мысль, 1985.

Институт географии РАН

Поступила в редакцию
13.XII.1994

V. M. KOTLYAKOV, V. S. PREOBRASHENSKIY

GEOGRAPHY OF THE ACADEMY OF SCIENCES TO THE ARMED FORCES IN 1941—1944

The message of the paper is to lift the veil over the great work of military and geographical assistance rendered to the Red Army by the geographers of the Academy of Sciences during the Great Patriotic War. Based on the documents, the paper covers chronology of the main events, variety of requests to geographers from the Headquarters of the Red Army, types of the problems, which were solved estimation of the conducted work and, at last, it presents some information about people, directly engaged in this geographical work. The authors hope that the paper will encourage thorough professional analysis of this formerly neglected period in the history of home geography, on the basis of relevant historical data.